

Трансформация образов главных героев в драме Салвадора Эсприу «Подлинная история Эсфири»

Дарья Д. Выволокина

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, marisol13marisol@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается, как каталонский писатель XX в. Салвадор Эсприу трансформирует образы ключевых персонажей «Книги Эсфири», входящей в Ветхий Завет. Важное место в работе занимает исследование библейского мифа. Ставятся вопросы о том, в чем состоит специфика авторской интерпретации древнего текста, на каких чертах в образах действующих лиц ставится основной акцент, а также как через обращение к ветхозаветному сюжету осмысляются драматические события Пиренейского полуострова 30–40-х годов. Описание исторического контекста пьесы «Подлинная история Эсфири» позволяет сделать вывод о том, что во второй трети XX в. в связи с обострившимся кризисом мировоззренческих идеалов и пессимистическим отношением писателя к человеческой природе образы Артаксеркса, Амана, Мардохея и Эсфири приобретают новую трактовку: утратив онтологическое основание жизни, они, как и современники С. Эсприу, оказываются в эпицентре беспощадного вихря истории, ощущают хаотичное движение времени. Основная задача данной статьи заключается в выявлении и анализе приемов, с помощью которых происходит изменение образов главных действующих лиц и инкорпорирование ветхозаветного мифа в современный контекст.

Ключевые слова: Ветхий Завет, Книга Эсфири, каталонская литература, Салвадор Эсприу, литература XX в., трансформация образов

Для цитирования: Выволокина Д.Д. Трансформация образов главных героев в драме Салвадора Эсприу «Подлинная история Эсфири» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 11. Часть 1. С. 203–212. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-11-203-212

The transformation of the images of the main characters in Salvador Espriu's drama "The Story of Esther"

Daria D. Vyvolokina

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, marisol13marisol@yandex.ru*

Abstract. The article goes into how the Catalan writer of the twentieth century Salvador Espriu changes the images of the key characters of the "Book of Esther", which is part of the Old Testament. An important place of the work is the study of the biblical myth. The questions are being raised about what the specifics are in the author's interpretation of the ancient text, on which features the main emphasis is placed in the images of the characters and also how the dramatic events of the Iberian Peninsula of the 30–40s are understood through reference to the Old Testament plot. The description of the historical context of the play "The Story of Esther" allows us to conclude that in the second third of the twentieth century, due to the aggravated crisis of ideological ideals and the writer's pessimistic attitude to human nature, the images of Artaxerxes, Haman, Mordecai and Esther acquire a new interpretation: having lost the ontological basis of life, like S. Espriu's contemporaries, they find themselves in the center of the merciless vortex of history, they feel the chaotic movement of time. The main purpose of the article is to identify the techniques by which the images of the main characters are changed and the Old Testament myth is incorporated into the modern context.

Keywords: The Old Testament, the Book of Esther, Catalan literature, Salvador Espriu, literature of the twentieth century, transformation of images

For citation: Vyvolokina, D.D. (2025), "The transformation of the images of the main characters in Salvador Espriu's drama 'The Story of Esther' ", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 11, part 1, pp. 203–212, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-11-203-212

Исторические катаклизмы XX в. стали для многих людей точкой невозврата, разделившей мир на *до* и *после*. Человек утратил гармонизирующую первооснову, надежный фундамент, на который он мог опереться раньше. Одним из способов преодоления кризиса бытия стало обращение к вечным темам и наследию прошлого, в котором можно найти ответы на многие вопросы, волнующие человечество. Возврат к мифу, сопровождающий переломные эпохи истории, стал предметом анализа многих научных работ, среди которых стоит выделить труды

Е.М. Мелетинского [Мелетинский 1995], А.Ф. Лосева [Лосев 1991], О.Ю. Пановой¹. Как указывает О.Ю. Панова, «человек XX в. кажется то бесконечно далеким от религии, то стоящим на пороге обретения новой веры. Побывав на самом дне ужасающей бездны безверия, экзистенциального страха и покинутости, он снова вызывает de profundis – из глубины своего переполненного отчаянием сердца вызывает к *вечности*»².

Салвадор Эсприу, выдающийся каталонский писатель XX в., вдохновляется библейской историей об Эсфири, благодаря храбрости которой еврейскому народу удалось избежать гибели, и издает в 1947 г. первую редакцию драмы «Подлинная история Эсфири». Важно учитывать, что трагический историко-политический контекст первой половины XX в. во многом повлиял на выбор именно этого древнего сюжета: с 1939 г. Каталония и весь Пиренейский полуостров находились под властью диктатора Франсиско Франко, подчинившего себе государство с помощью суровых репрессий и установившего запрет на использование каталанского языка. Добавим, что писателям приходилось обращаться к эзопову языку, чтобы обходить цензуру и описывать проблемы того времени. Основная цель нашей статьи – показать, как, трансформируя образы главных героев библейского сюжета, автор раскрывает тему кризиса прежних мировоззренческих идеалов. Отметим, что исследование творчества С. Эсприу под таким ракурсом проводится в нашей стране впервые.

Напомним сюжет ветхозаветной «Книги Эсфири», на который опирается каталонский автор. Эсфирь, приемная дочь Мардохея, благодаря своей красоте и тихому нраву становится женой персидского царя Артаксеркса. Один из подданных царя (Аман), задетый якобы недостаточно почтительным отношением к нему Мардохея, воспаляется ненавистью ко всему еврейскому народу и решает его истребить. Тогда Эсфирь, не побоявшись придворных запретов, просит защиты у Артаксеркса, получает его помощь и спасает евреев. Эсфирь и поныне считается заступницей еврейского народа.

Для понимания сути пьесы важно определить, какую трансформацию в произведении каталонского автора претерпевают образы, играющие ключевую роль в «Книги Эсфири», а именно Артаксеркс, Аман, Мардохей и Эсфирь, на которых основывается ветхозаветный сюжет.

¹ Панова О.Ю. Человек в модернистской культуре // Зарубежная литература второго тысячелетия: 1000–2000: Учеб. пособие / под ред. Л.Г. Андреева. М.: Высшая школа, 2001.

² Там же. С. 288.

Анализ целесообразно начать с образа Артаксеркса. В каталонской пьесе образ царя Суз становится более сниженным и приземленным, чем в Ветхом Завете. В библейском тексте указ Артаксеркса об истреблении евреев расценивается как ошибка, но он, тем не менее, представлен как щедрый человек, искренне благодарный за спасение жизни, и как величественный государь, внушающий неподдельное уважение поданным. Его могущество подчеркивается и через портретную характеристику. Например, говорится, что у него было «лицо, пламенеющее славой» (Эсф. 5,1), и «сильный взгляд» (Эсф. 5,1). Власть и честь правителя Суз являлись неоспоримыми и безусловными, его решения не вызвали сомнений. Сохранялся иерархический характер отношений царь-подчиненный, воспринимавшихся как незыблемая норма в древнем обществе: подданные понимали, что власть царя дарована свыше и противиться его воле равнозначно преступлению.

В «Подлинной истории Эсфири» мы видим обратную картину: Артаксеркс – это уже не могущественный государь, распоряжающийся своими подданными, а человек, осознающий свою бренность и тленность и сравнивающий сам себя с “acerba mena de bunyol de vent”³. Вдобавок Артаксеркс, в отличие от праведно гневающегося библейского царя, ведет себя как вспыльчивый персонаж, демонстрируя окружающим приступы безрассудной и неоправданной жестокости. К примеру, по царскому решению были убиты его родные братья и кузены. Важно учитывать, что изменение образа Артаксеркса продиктовано современной Эсприу исторической обстановкой, поскольку в нем явно прочитывается образ диктатора. Намек на франкизм подкрепляется с помощью разных средств. Например, Артаксеркс полностью поддерживает предложение Амана о том, что государство должно держаться на политике тотального контроля за населением.

Также снижает образ Артаксеркса в «Подлинной истории Эсфири» безнравственность его решений. В частности, он полностью поддерживает политическую программу «премьер-министра», основанную на обмане и угнетении беззащитных⁴.

³ *Espriu S. La primera història d'Esther. Barcelona: Edicions de Mall, 1986. P. 36. «Жалкий мыльный пузырь».* Перевод всех цитат на русский дается по: *Эсприу С. Подлинная история Эсфири / пер. с каталан. Е. Якименко // Каталонская культура: вчера и сегодня: Альманах / под ред. М.А. Абрамовой. М.: Аграф, 1997. С. 134.*

⁴ «Доклад настоящего политика, поздравляю!» (*Espriu S. Op. cit. S. 96; Эсприу С. Указ. соч. С. 151*).

Еще ярче отражает трансформацию данного образа отношение Артаксеркса к Эсфири. Властитель Суз не питает глубоких чувств к своей жене. Не случайно царица, падая в обморок, обращается к нему с просьбой: “*Si no per afecte, socorre’m per cortesia*”⁵. В их отношениях отсутствует искренняя любовь, а страсть оказывается ничем иным, как постановочной игрой⁶. В библейском тексте мы видим другую картину: Артаксеркса и Эсфирь объединяли теплые, неподдельные чувства. В частности, в пятой главе «Книги Эсфири» царь признается, что готов выполнить любую просьбу Эсфири, даже отдать ей полцарства: «И сказал ей царь: что тебе, царица Эсфирь, и какая просьба твоя? Даже до полуцарства будет дано тебе» (Эсф. 5,3).

Как показывает анализ пьесы, в образе Артаксеркса явно прочитывается образ диктатора, принимающего вопиюще несправедливые решения и не испытывающего из-за этого мучений совести. Лицемерие этого персонажа проявляется и в его отношениях с женой.

Следующий важный образ – Аман, помощник царя. В пьесе Эсприу жестокость и аморальность этого персонажа усиливаются. Особенно наглядно демонстрирует низость Амана его предложение о том, что хлеба должно быть достаточно только “*en el paper*”⁷. Помимо этого, в каталонской пьесе Аман ведет себя трусливо и не осмеливается помочь своему государю. Аман, получив от царя большую власть, чем прежде, искушается гордыней. Его охватывают приступы дикой, слепой ярости и несправедливого гнева, когда он вспоминает о Мардохее, не пожелавшем ему подчиниться. Характерно, что «премьер-министр» царя говорит, что кровь его ослепляет: “*Sang m’encega*”⁸. Таким образом, этот персонаж, возненавидевший еврейский народ и решивший отомстить ему за неподчинение, совершает тяжкий грех. Однако его гордыня не остается безнаказанной: достаточно одного оборота колеса Фортуны, чтобы Аман канул в бездну “*l’abjecció, la infàmia*”⁹. В итоге мы видим, что в каталонской пьесе делается особый акцент на связи помощника Артаксеркса с мотивами греха и рокового заблуждения, играющими важную роль в ветхозаветном тексте.

⁵ «И если не из любви, так хоть ради приличия поддержи меня!» (*Espriu S. Op. cit. S. 112; Эсприу С. Указ. соч. С. 155*).

⁶ «Провинциальной публики» (*Espriu S. Op. cit. S. 130; Эсприу С. Указ. соч. С. 159*).

⁷ «на бумаге» (*Espriu S. Op. cit. S. 94; Эсприу С. Указ. соч. С. 150*).

⁸ «Очи сжигает» (*Espriu S. Op. cit. S. 136; Эсприу С. Указ. соч. С. 161*).

⁹ «позора» (*Espriu S. Op. cit. S. 146; Эсприу С. Указ. соч. С. 163*).

Образ приемного отца Эсфири, на наш взгляд, – один из самых сложных и неоднозначных образов всего произведения. Трудность его интерпретации заключается в том, что автор решил довольно радикально изменить трактовку данного ветхозаветного образа. В Библии, как известно, Мардохей воспринимается как символ апостольской проповеди и верности. Он ведет довольно аскетичный образ жизни, посвятив себя воспитанию Эсфири, к которой относится как к родной дочери, будучи одиноким. Его также нельзя уличить в грехе или обвинить в безнравственности и распущенности. В Ветхом Завете для него характерен очень высокий моральный облик: подчеркивается воздержанность и целомудрие Мардохея, а также верность религиозным идеалам.

В каталонском произведении образ данного персонажа представлен иначе. С одной стороны, он, как и в библейском тексте, предан иудейской вере и выполняет свой долг. Так, герой объясняет, что пришел к царским воротам по повелению святого покровителя Израиля, чтобы разоблачить заговоры и “endegar després els afers a profit de la nissaga de Jacob”¹⁰. С другой – этот образ становится более приземленным, сниженным. Его интересуют простые житейские ценности. В частности, у Мардохея появляется спутница Секундина, с которой он живет в одном доме. Они вместе проводят время за игрой в карты, причем Секундина жалуется, что Мардохей ведет себя нечестно. Вдобавок она не понимает, какую цель преследует Мардохей, предложив царю выбрать Эсфирь себе в жены, и считает его поведение слишком беспокойным и нервным¹¹. Таким образом, в моменты наивысшего напряжения, когда решаются судьбы народов, Мардохей резко снижает пафос действия, что расходится с библейским текстом. Наиболее отчетливо проявляется эта трансформация в характеристике Мардохея Секундиной.

В завершение стоит обратиться к образу Эсфири, центральному как в ветхозаветной книге, так и в каталонском произведении. Однако и этот образ претерпевает довольно сильную трансформацию. В Ветхом Завете, в частности, Эсфирь (так же, как и Мардохей) можно воспринимать как символ преданности и верности духовным идеалам. Она была готова пойти на риск и пожертвовать своей жизнью во благо ближних и своего народа. Эсфирь провела несколько дней в посте и молитвах и пришла к

¹⁰ «Устроить дела к вящей славе потомков Израиля» (*Espriu S. Op. cit. S. 46; Эсприу С. Указ. соч. С. 137*).

¹¹ «Вперед, кричит, ничего не слушает, вперед, неизвестно куда и зачем» (*Espriu S. Op. cit. S. 72; Эсприу С. Указ. соч. С. 144*).

Артаксерксу, чтобы попросить его о снисхождении, не получив на то позволения. За такое серьезное нарушение царского запрета она могла быть казнена, но Эсфирь, преодолев страх, все же подвергла себя смертельной опасности и таким образом спасла потомков Израиля.

В каталонской пьесе Эсфирь также следует высокому духовному предназначению и становится заступницей иудеев. Как и в Ветхом Завете, героиня относится к своему благодетелю с уважением и выполняет его приказы. Она блестяще знает законы, а ее мудрые речи и изумительная красота восхищают старцев Израиля. Насколько глубоко переживания Эсфири за родной народ можно увидеть в одной из исполняемых ею песен:

“Poble trist, amb record
De ciutats molt cremades.
No t’acull cap repòs
D’ombra bona, de casa.
Només somnis, al fons
De la meva mirada”¹².

Тем не менее Салвадор Эсприу решает сделать этот образ более сложным и неоднозначным. С одной стороны, автор вводит в текст песню Эсфири, чтобы показать, как важен для нее еврейский народ и как она разделяет его страдания. С другой – если обратить внимание на сцену, когда Мардохей просит ее вспомнить о нравственном долге, то можно заметить, что героиня немного колеблется перед тем, как согласиться помочь.

Вдобавок Эсфирь спрашивает Мардохея, какая была бы у нее участь, если бы она не стала выполнять его просьбу: “I si m’hi negava? Tothom, excepte Secundina, ignora aquí la meva procedència”¹³. Выслушав аргументы Мардохея, она осознает, что не может не предстать перед царем, однако добавляет, что пойдет к Артаксерксу “per força, encara que l’egoisme natural no en tingui

¹² «Храни, гонимый народ,
Пепел былых городов.
Отдых тебя не ждет
В сладкой тени садов,
Один тебе путь – на дно
Моих тревожных зрачков» (*Espru S. Op. cit. S. 102; Эсприу С. Указ. соч. С. 152*).

¹³ «А что, если бы я отказалась? Никому, кроме Секундины, не известно мое происхождение» (*Espru S. Op. cit. S. 106; Эсприу С. Указ. соч. С. 153*).

ganes”¹⁴. В Ветхом Завете Эсфири тоже страшно войти в покои к царю без разрешения, поэтому, например, она падает в обморок, однако в ее речах мы не увидим ни малейшего сомнения в необходимости такого решительного шага. Таким образом, Салвадор Эсприу представляет эту героиню более приземленной и прагматичной. Его Эсфири оказывается гораздо сложнее решиться на самопожертвование, чем Эсфири библейской.

Важно выяснить, как Салвадор Эсприу трактует отношение Эсфири к Артаксерксу. Напомним, что в Библии она ведет себя как преданная и самоотверженная жена, относящаяся с большим почтением к своему мужу и готовая преклонить перед ним колени, умоляя о снисхождении: «И продолжала Эсфирь говорить пред царем и пала к ногам его, и плакала и умоляла его отвратить злобу Амана Вугеянина и замысел его, который он замыслил против Иудеев» (Эсф. 8,3). Уважение, которое проявляет Эсфирь к Артаксерксу, сквозит и в речах царицы (Эсф. 8,4).

В каталонской версии поведение героини изменяется кардинально. В отношениях Эсфири и Артаксеркса отсутствует всякое доверие: царь понимает, что “al fons de l’aigua mansa”¹⁵ на самом деле спрятана “l’urga imperiosa”¹⁶. Он признается, что ему страшно от того, что может сделать его жена. В данном контексте интересно обратить внимание на эпитеты и метафоры, с помощью которых царь описывает свою супругу: “Artista tranquil·la de la ironia i del desdeny”¹⁷, “poncem disfressant sèver, la ronda de la guilla”¹⁸. Таким образом, Эсфирь, по мнению Артаксеркса, ведет себя неискренне и двулично.

В изображении каталонского автора Эсфирь – независимая героиня, жаждущая власти и готовая бороться за нее. Одержав победу, Эсфирь раскрывает свои истинные намерения и признается, что она всегда стремилась к “la prosoporeia de matrona”¹⁹. Как мы видим, в интерпретации Эсприу характер героини не ли-

¹⁴ «Против воли, ведь чувство самосохранения протестует» (*Espriu S.* Op. cit. S. 106; *Эсприу С.* Указ. соч. С. 153).

¹⁵ «Под гладью вод» (*Espriu S.* Op. cit. S. 128; *Эсприу С.* Указ. соч. С. 159).

¹⁶ «Властная рука» (*Espriu S.* Op. cit. S. 128; *Эсприу С.* Указ. соч. С. 159).

¹⁷ «Ироничная, надменная актриса» (*Espriu S.* Op. cit. S. 128; *Эсприу С.* Указ. соч. С. 159).

¹⁸ «Горький лимон, хитрая лиса» (*Espriu S.* Op. cit. S. 134; *Эсприу С.* Указ. соч. С. 160).

¹⁹ «Царственному возвышению» (*Espriu S.* Op. cit. S. 168; *Эсприу С.* Указ. соч. С. 168).

шен властности, гордыни и тщеславия, что проявляется особенно сильно, когда Эсфирь приказывает Артаксерксу разделить власть между нею и Мардохеем: “Tu jeus, ell representa, jo manó”²⁰. Здесь уместно задаться вопросом, почему каталонской автор столь сильно преобразует образ ветхозаветной героини. На наш взгляд, Салвадор Эсприу таким образом воплощает свое представление о том, что люди XX в., утратившие гармонию и прежние законы и живущие в несправедливо устроенном мире, оказываются неспособными действовать бескорыстно, ради одних лишь благородных целей.

Неслучайно скептицизм связан не только с образом центральной героини пьесы. В драме каталонского автора почти все персонажи снижены, что обнажает порочность людей современности. Мардохей, чей образ в Ветхом Завете был однозначно возвышенным, в «Подлинной истории Эсфири» уделяет особое внимание житейским делам и заботится о материальном благе. Чрезмерно жестокие и несправедливые решения царя Фив делают его похожим на Франко. Образ «премьер-министра», отличающегося крайней аморальностью, напоминает пособников диктатора. Тем не менее важно, что, хотя от приказов Артаксеркса и Амана зависит участь огромного государства, сами персонажи понимают свою слабость и беспомощность перед ударами судьбы и признаются, что они лишь пустые куклы, зависящие от решений постановщиков пьесы. Подобная трактовка библейских образов в «Подлинной истории Эсфири» продиктована, как нам кажется, пессимистическим отношением Салвадора Эсприу к человеческой природе. Отчаяние писателя усугубляется за счет того, что люди, неспособные противостоять хаотичному движению истории, поглощающей все на своем пути, теряют собственную волю и достоинство. Вынужденные подчиняться произволу вышестоящих, они, словно марионетки, утрачивают свободу, не властны выбирать следующий шаг и не определяют свою судьбу. Несмотря на благополучный конец пьесы, совпадающий с библейским сюжетом, ее поэтика направлена на изображение бессилия человека перед жестокими правителями и трагическими обстоятельствами, его деградации и абсурдности бытия, что позволяет говорить об экзистенциалистском характере его творчества.

²⁰ Ibid. S. 168. Там же. С. 168. «Ты отдыхаешь, он председательствует, я приказываю» (*Espriu S. Op. cit. S. 168; Эсприу С. Указ. соч. С. 168*).

Литература

Лосев 1991 – Лосев А.Ф. *Философия. Мифология. Культура*. М.: Политиздат, 1991. 525 с.

Мелетинский 1995 – Мелетинский Е.М. *Поэтика мифа*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 408 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока)

References

Losev, A.F. (1991), *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture], Politizdat, Moscow, Russia.

Meletinskii, E.M. (1995), *Poetika mifa* [The poetics of myth], Shkola “Yazyki russkoi kul'tury”, Moscow, Russia. (*Issledovaniya po fol'kloru i mifologii Vostoka*)

Информация об авторе

Дарья Д. Выволокина, аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; marisol13marisol@yandex.ru

Information about the author

Daria D. Vyvolokina, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 51, bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; marisol13marisol@yandex.ru